

Виктор Чернов

Революция и порядок

Abstract.

В статье проанализированы современные подходы к пониманию революционных изменений, показано соотношение революции и политического порядка. Социальные революции являются спонтанным результатом весьма редкого стечения множества обстоятельств. Утверждение легитимного и эффективного гражданского порядка представляет основной критерий успешной революции. В случае демократической революции наиболее благоприятные возможности для минимизации насилия и укрепления новых институтов дает нормативный консенсус элит.

Ключевые слова: социальная революция, политический порядок, политическая институционализация, демократическая революция, демократический порядок.

Основное различие в политическом развитии проходит не только между демократиями и авторитариями, но и между порядком и беспорядком, т. е. между теми политическими системами, которые отличаются высокой легитимностью и эффективностью, и теми, где общества политически расколота и эффективности управления либо недостает, либо правительства вообще не управляют. Некоторые исследователи, например С. Хантингтон, даже указывают, что с точки зрения степени управляемости разница между порядком и упадком носит более фундаментальный характер, чем разница между демократией и диктатурой.

Политический порядок — это способность высоко институционализированной политической системы сохранять свою качественную определенность путем включения новых групп в политику таким образом, чтобы они действовали в соответствии с уже принятыми обществом нормами и ценностями. Поскольку политическая модернизация является дестабилизирующим явлением, то, по мнению Хантингтона, главная проблема этого процесса — не обеспечение свободы, а утверждение законного политического порядка, устойчивость которого становится одной из основных ценностей. Порядок может, разумеется, существовать и без свободы, но свобода невозможна без порядка. Постановка вопроса об ограничении власти и достижении свободы предполагает существование самой власти, но именно власти не хватает в тех модернизирующихся обществах,

где она является заложницей противоборствующих политических сил.

Отталкиваясь от концепции преторианского общества Д. Раппопорта, С. Хантингтон еще во второй половине 1960-х годов предложил в качестве критерия дифференциации политических систем такой параметр, как соотношение между уровнем политической институционализации и уровнем политической активности населения. Соотношение этих переменных влияет на политическую стабильность любого общества. Политическая система с относительно низким уровнем того и другого, например Парагвай во времена диктатуры генерала Альфреда Стреснера, может оказаться более стабильной, чем система с более высоким уровнем институционализации, но с еще более высоким уровнем вовлеченности социальных групп в политику, как, скажем, современные Колумбия, Россия или Филиппины. Следовательно, сохранение стабильного политического порядка (т. е. действующих правил принятия политических решений) предполагает, что по мере возрастания политической активности должны возрастать также сложность, автономия, адаптивность и согласованность политических институтов. На основании вышеуказанного соотношения С. Хантингтон проводит различие между гражданскими политическими системами, где уровень институционализации высок по отношению к уровню политической активности населения, и так называемыми преторианскими системами, где уровень политической активности высок

относительно уровня политической институционализации¹.

Крайним случаем взрывного роста политической активности масс является социальная революция. Она может привести совершенно хаотическое общество к установлению желанного гражданского порядка, а может и ввергнуть некогда стабильное государство в состояние крайнего упадка и гражданской войны. Поэтому революций обычно боятся. Тем не менее, нравится это кому-то или нет, но в жизни отдельных народов, несмотря даже на кажущуюся стабильность их общественного уклада, внезапно наступают такие переломные времена, когда возникает настоятельная необходимость в новом политическом и социально-экономическом порядке и когда этот порядок может быть установлен только революционным актом политической воли масс.

I. Мифы о революции

В последнее время в обыденном политическом дискурсе термином «революция» явно злоупотребляют, что ведет к определенной девальвации самого понятия революции. Нашумевшие события в Грузии, Украине и Киргизстане многие их герои и наблюдатели поспешили окрестить «революциями», придав этому слову разнообразные поэтические атрибуты, хотя идущие там трансформации даже отдаленно не напоми-

нают подлинные социальные революции, причем не только по своим темпам и содержанию, но иногда и по способам их осуществления. Так, в Украине политическая власть сменилась отнюдь не революционным путем, а посредством переговоров между элитами, в ходе которых было достигнуто компромиссное соглашение о назначении III тура президентских выборов и новых правилах политической игры в поствыборный период. (Другое дело, что именно мирное, ненасильственное давление «оранжевой площади» вынудило власть имущих пойти на эти переговоры, и именно площадь оказала немаловажное влияние на то, чтобы подсчет голосов в дополнительном туре был относительно честным.) В результате смены власти процесс принятия политических решений стал в этом государстве более институционализированным, открытым и прозрачным, но экономические основы сложившегося номенклатурно-олигархического капитализма оказались нетронутыми, как все еще в значительной степени олигархической остается и сама политическая система. Поэтому название «оранжевая революция» — не более чем красивая метафора (подобная «революции гвоздик» в Португалии), лишь отразившая тот необыкновенный духовный национальный подъем, который охватил большую часть украинского общества в ноябре — декабре 2004 года.

Первоначальные политические изменения в Грузии и Киргизстане по своим внешним при-

¹ Политические системы гражданского типа — это системы, которые располагают четкими и стабильными формами институционального авторитета, отвечающими достигнутому в них уровню политической активности населения. Предусмотрены легитимные процедуры инкорпорации новых общественных групп и элит, стремящихся к участию в политической жизни. Между большинством участников политического процесса имеется согласие относительно процедур разрешения политических споров, возникающих при принятии решений, например при политическом рекрутировании или выборе политического курса. Акторы, участвующие в политической игре, признают себя обязанными использовать эти процедуры, в результате чего в обществе складывается та или иная система легитимного господства.

Преторианские политические системы — это системы, где различные социальные группы непосредственно действуют в политической сфере, пользуясь собственными, неинституционализированными и нелегитимными методами. В преторианском обществе отсутствуют автономные политические организации (партии, бюрократия, правительство), которые признавались бы в качестве законных и авторитетных посредников, способных смягчать групповые конфликты, оформлять и делать более умеренной политическую активность социальных сил. Не менее важно и то, что не существует никакого консенсуса между социальными группами относительно процедур разрешения политических конфликтов. Каждая группа использует те средства разрешения споров, которые отвечают ее специфике и возможностям: богатые подкупают, студенты устраивают беспорядки, рабочие бастуют, священники организуют шествия, толпы митингуют, военные совершают перевороты.

«Военное вмешательство, — отмечает С. Хантингтон, — это всего лишь одно из проявлений более общего феномена, свойственного слаборазвитым обществам: политизации общественных сил и институтов. В таких обществах... все категории общественных сил и групп оказываются непосредственно вовлеченными в общую политику. В странах, где политизирована армия, мы видим и политизированное священство, политизированные университеты, политизированную бюрократию, политизированные профсоюзы и политизированные корпорации. Вывихнутым является общество в целом, а не только военные». Поскольку такие порочные общества выступают социальной предпосылкой военных переворотов и других форм вооруженного насилия, то их можно называть преторианскими (от лат. *praetoriani* — преторианцы; так в Древнем Риме называли императорскую гвардию, которая была непременным участником и нередко организатором многочисленных дворцовых переворотов). (См. подробнее: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. Москва, 2004. С. 94—268.)

знакам больше походили на революционное смещение власти, однако последовавшие затем другие общественные трансформации также идут медленно, непоследовательно и почти не затрагивают глубинных основ их социально-экономических и политических систем. В Грузии один авторитарный лидер сменил другого путем очередного, правда на этот раз бескровного, восстания, названного «революцией роз», которая на поверку оказалась лишь переворотом снизу, организованным контрэлитой под демократическими лозунгами. В Киргизстане, казалось бы, случилось подлинно народное восстание против власти семейства Акаевых, но и после этой так называемой революции тюльпанов борьба местных кланов за власть и ресурсы только обострилась и стала еще более хаотичной, хотя наблюдается и определенное движение к конституционно-правовой демократии.

Сегодня некоторые политики и журналисты склонны видеть революцию или угрозу таковой чуть ли не в любом большом скоплении граждан, выступающих против правительства. Манифестации жителей Крыма, протестовавших против махинаций с землей и требовавших наказания виновных (2005), сами участники этих событий легкомысленно обозвали «помидорной революцией». Мирные уличные протесты в Мексике многочисленных сторонников Лопеса Обрадора, не признавшего свое поражение на прошедших летом 2006 года президентских выборах, выдавали за «революцию кактусов». Массовые демонстрации венгров осенью 2006 года, требовавших отставки завравшегося правительства социалиста-миллионера Ференца Дюрчяна, кое-кто толковал как угрозу «правой» революции и даже проводил неуместные параллели с антикоммунистическим вооруженным восстанием 1956 года.

Вопрос о том, является ли определенное коллективное действие и последующее общественное изменение революцией или не революцией, — это, прежде всего, вопрос оценки событий. Разного рода заигрывания с модным словечком «революция» при характеристике серьезных политических процессов, свидетельствующих о высокой гражданской активности масс, но никак не тянущих на социальную революцию, можно свести к двум основным типам. Одни явно пытаются выдать желаемое за действительное, когда, например, приход к власти в Украине, Киргизстане или Грузии политических сил, называ-

ющих себя демократическими, оценивают как «революцию», тогда как в данном контексте она оказывается идеей самих акторов, а не реальным феноменом. Другие, напротив, на тех же примерах просто запугивают неискующих обывателей призраком «революции», связывая ее лишь с нестабильностью и хаосом, а массовое стремление граждан к демократическим переменам — с заговором враждебных иностранных сил, чем с головой выдают свой собственный страх не только перед энергией прямого коллективного действия, но и перед демократическим порядком. Однако в обоих случаях одинаково преувеличивается степень кардинальности реальных или потенциальных общественных изменений и этим самым демонстрируется весьма слабое понимание сути рассматриваемых процессов. В обоих случаях конструируется тот или иной миф о революции, который превращает эмпирические феномены в символы, по-разному смыслообразующие реальность, по-разному выстраивающие картину мира и по-разному интерпретирующие идентичность участников исторических событий.

Для ученых понятие социальной революции есть теоретический концепт, создающий свой собственный предмет исследования. Его содержание в отличие от обыденной или мифологической трактовки этого термина состоит в поиске более-менее четких критериев для идентификации социальных революций и в постановке вопроса о причинах революций, их ходе и результатах. Выработанные на этой основе теоретические обобщения можно применять при исследовании конкретных случаев, подпадающих под определение революции, и проверять их объяснительный потенциал. Обратимся поэтому к существующим теориям революции, чтобы выяснить, что же такое социальная революция, при каких обстоятельствах она возникает и каково действительное соотношение революции и порядка.

II. Что такое революция?

В современной науке нет единой общей теории революции, которая могла бы объяснить сущность революций вне времени и пространства. Однако практически все исследователи сходятся в том, что социальная революция — быстрая, фундаментальная и, как правило, насильственная смена господствующих норм и ценностей общества, его правящей элиты и политичес-

кого курса, политических институтов, экономической и социальной структуры. Социальные революции, таким образом, необходимо отличать от переворотов, восстаний или войн за независимость, поскольку они необязательно связаны со сменой ценностей и социально-экономической системы.

Революция — это один из путей модернизации, особый тип перехода от традиционного общества к современному. Поэтому она невозможна в очень традиционных обществах и в наиболее современных обществах. Революции, как отмечает С. Хантингтон, чаще всего происходят в обществах, где уже достигнут определенный уровень социально-экономического развития и где процессы политической модернизации отстают от процессов социально-экономической модернизации. Следовательно, в той мере, в какой социально-экономическая модернизация ускоряется, вероятность революции возрастает¹.

Политическая сущность революции заключается в настолько быстром распространении политического сознания и быстрой мобилизации новых групп в политику, что существующие политические институты не могут их ассимилировать, в результате чего они столь же быстро разрушаются. Но чтобы революция стала успешной, или завершённой, быстрая политическая мобилизация и разрушение существующих политических институтов должны сочетаться с быстрой политической институционализацией, т. е. созданием новых авторитетных политических организаций и общепризнанных политических процедур, способных структурировать и стабилизировать более широкие формы участия масс в политике. Поэтому в массовом преторианском обществе революция и порядок вполне могут стать союзниками. В этом смысле «подлинно беспомощным является не общество, которому угрожает революция, а общество, неспособное к революции»².

Реальные действия лидеров всякой крупной революции XX века были направлены на консолидацию новой власти, на восстановление и «присвоение» государственных институтов посредством создания той или иной партийно-политической системы с глубокими корнями в об-

ществе. В качестве примеров завершённой социальной революции следует назвать мексиканскую, русскую, кубинскую и вьетнамскую революции. Все они имели своим результатом установление государства гражданского типа и институционализацию власти с помощью однопартийной системы. Успешными оказались и антитоталитарные революции в Восточной Европе. Впервые в истории социальные революции привели к формированию не авторитарного, а демократического порядка, основанного на многопартийной системе. Однако социальные революции — крайне редкие и чрезвычайные события. К тому же далеко не все революции ведут к установлению нового политического порядка. В этом смысле такие предшественницы современных революций, как английская и французская революции, окончились неудачей, поскольку они привели не к появлению организованных политических партий, а к военным диктатурам и реставрации традиционных форм власти. Точно также неудачной оказалась и боливийская революция 1952 года, которая закончилась гражданской войной и установлением в 1964 году военного режима.

III. Структурный подход

До недавнего времени в социологии революций доминировал восходящий к классической методологии К. Маркса и В. Ленина структурный подход (А. Баллок, Т. Р. Гурр, Т. Скокпол, Г. Соотла, Ш. Эйзенштадт и др.). Согласно этому подходу социальные революции рассматриваются как быстрые фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества, которые сопровождаются и частично осуществляются через восстания снизу, организованные на классовой основе³. В основе структурной теории революции лежит тезис о том, что в отличие от других типов конфликтов и социальных изменений современные революции возникают в результате довольно редкого и случайного пересечения множества структурных факторов («эффект Курно») на макроуровне общества. К ним относятся крайнее ослабление старого политического режима, рас-

¹ См.: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — Москва, 2004. С. 269—282.

² Там же. С. 268.

³ См., например: Skocpol Th. States and Social Revolution. A Comparative Analysis of France, Russia and China. — Cambridge, 1979. P. 4.

колы в правящей элите, коллапс центрального аппарата управления и армии, интенсивные выступления радикальных городских движений и массовые крестьянские восстания, что в целом обычно характеризуется как «революционная ситуация». Если пики фрустраций этих структур приходятся на разное время, то вероятность революции ничтожна. Когда же все эти обстоятельства совпадают по времени, возникает то, что немецкий историк А. Демандт назвал «воронкой» исторического процесса: различные силы все больше стремятся действовать в одном направлении, пространство для маневра сужается, процесс становится неизбежным и, наконец, происходит «скачок, переход границы»¹. Можно сказать, что «общества... «скатываются» в социальные революции»². Если, однако, у различных групп нет способности и побуждения действовать совместно или хотя бы в одном направлении («субъективный фактор»), революционного взрыва опять-таки можно избежать.

Настоящим потрясением для структурного подхода стала шиитская революция 1979 года в Иране, когда сильным религиозным лидерам во главе с аятоллой Хомейни удалось мобилизовать пассивные массы против светского правительства, отнюдь не находящегося на пороге краха. Очень, казалось бы, стабильный авторитарный режим шаха Пехлеви рухнул буквально в один миг фактически без всякого сопротивления. Особым типом социальной революции, который еще меньше укладывается в рамки структурной модели, можно, по-видимому, считать антитоталитарные демократические революции, произошедшие в ряде коммунистических стран Восточной Европы в 1989 году (ГДР, Чехословакия, Румыния).

Во-первых, ситуация в этих странах накануне свержения коммунистических диктатур не походила на структуралистскую комбинацию революции — крайнее ослабление режима, расколотые элиты и взбудораженные массы, мобилизованные «революционным авангардом», — чтобы мог состояться «большой взрыв». Дело обстояло совершенно иначе. Резкое ослабление

правительства, раскол правящей элиты и ярко выраженное лидерство в народном движении стали намного более поздними явлениями, чем первые массовые волнения и демонстрации в Лейпциге, Праге, Тимишоара, Бухаресте.

Во-вторых, по контрасту со всеми предыдущими «классическими» революциями и за исключением народного восстания в Румынии, быстрая смена высших эшелонов власти была проведена мирным путем, без применения насилия. Некоторым ученым это дало основание выделить такой специфический подтип демократической революции как «мирная (ненасильственная) революция»³. Она еще нередко характеризуется как «бархатная», «переговорная» революция или «революция» (от слов «реформа» и «революция»).

В-третьих, в отличие от предыдущих крупномасштабных революций институционализация новой власти была проведена с помощью создания конкурентной многопартийной системы, введения всеобщих свободных выборов и других демократических институтов. Многопартийная система, будучи поначалу фрагментированной и не очень стабильной, все же обеспечила проведение глубоких рыночных и демократических преобразований, которые по своему характеру выходят за рамки чисто эволюционного развития.

IV. Процедурная модель

Чем же можно объяснить столь неожиданную мобилизацию десятков и сотен тысяч людей в ГДР, Чехословакии и Румынии, т. е. феномены микроуровня, если еще отсутствовали другие признаки революционной ситуации на макроуровне и даже не объявились сильные лидеры, способные быть организаторами и идеологами массовых протестов? Почему именно в такой момент начались восстания масс?

Понятно, что важную роль в капитуляции этих коммунистических режимов сыграли внешний демонстрационный эффект, начало которому положили успехи польской оппозиции, а

¹ Demandt A. Zur Trichterstruktur historischer Prozess // Kausalität und Zurechnung / Luebbe W. (Hrsg.). — Berlin, 1994. S. 267.

² Skocpol Th. France, Russia, China: A Structural Analysis of Social Revolutions // Revolutions: Theoretical, Comparative and Historical Studies / Goldstone J. (Eds.). — San Diego, 1986. P. 71.

³ См.: McFaul M. Revolutionary Transformations in Comparative Perspective: Defining a Post-Communist Research Agenda // Re-examining the Soviet Experience / Essays in Honor of Alexander Dallin / Holloway D, Naimark N. (Eds.). — Boulder, 1996. P. 167—196.

также невозможность советской военной интервенции для поддержки коммунистического руководства, как это было раньше в Венгрии (1956) и Чехословакии (1968). Однако стремление теоретически осмыслить произошедшие события стало решающим толчком к утверждению в 1990-х годах новой, так называемой процедурной модели революции (Дж. Голдстон, Р. Майнц, Г. Таллок, П. Штыков и др.). Процедурный подход основывается на парадигме рационального выбора¹. Под таким углом зрения революция представляет собой тип общественных изменений, заключающийся в «стремительно протекающих, глубоких (радикальных) изменениях на макроуровне, которые в то же время включают в себя и изменения на более низких мезо- и микроуровнях»². Классический вопрос о причинах и ходе революций рассматривается как особый случай более общей проблемы коллективных действий и исследуется с привлечением инструментария теории общественных благ и теории кооперативных игр. Результаты революций толкуются с помощью теории решений как решение проблемы общественного выбора, который состоит в агрегации индивидуальных предпочтений в коллективные решения³.

Приверженцы процедурной концепции настаивают на том, что необходимо проводить различие между оценкой результатов революции и объяснением причин революции. Так, результаты революционных изменений могут оцениваться как общественное благо («изменения общества»), например введение новой системы политических институтов в виде представительной многопартийной демократии с мажоритарной или пропорциональной избирательной системой. Если же рассматривать причины революции, то они являются продуктом коллективных действий множества индивидуальных и микрогрупповых акторов, подавляющее большинство которых делают свой рациональный выбор независимо от проблемы самого общественного блага. Целерациональный актор, в отличие от ценностно-рационального, сначала рассчитывает свои шансы на удовлетворение собственных интересов, воз-

можные выгоды и риски, а потом выбирает ту стратегию действий, которая ему кажется наиболее эффективным средством достижения поставленных целей.

При таком подходе революция есть коллективное восстание, но не обязательно вследствие обострения и совпадения структурных противоречий, всеобщего разочарования и гнева неуправляемых мятежных масс или ценностно-рациональных действий акторов, сознательно производящих революционные изменения и жаждущих пожертвовать собой во имя освобождения народа. Революция есть всего лишь непреднамеренный результат множества индивидуальных решений участвовать в коллективных политических действиях для удовлетворения собственных интересов. Эти сугубо индивидуальные решения принимаются только в определенной, сулящей надежду на успех ситуации, которая, к тому же, может характеризоваться низкими издержками (*low-cost situation*) и возможностью получения некоей селективной выгоды от участия в революционных действиях. Такие решения должны приниматься большим числом индивидов примерно одновременно и регулярно в течении определенного промежутка времени. Революции возникают только тогда, когда число индивидов, принимающих решение об участии в протесте, начинает превышать «критическую массу». Причем акторы, принимающие такие решения, — это в первую очередь не атомизированные индивиды, находящиеся в латентной оппозиции режиму, а участники множества малых формальных и неформальных групп, которые, каждая для себя, или решают свою проблему коллективного действия, или вообще не имеют таковой. Большое число малых решений становится предпосылкой решения макропроблемы коллективного действия всего народа. Коллективные действия, имеющие разные частные цели, переплетаются и объединяются во всеобщий и одновременный протест против правительства. Тогда появляется шанс для осуществления общественного выбора, смены политической и социально-эконо-

¹ См.: Олсон М. Логика коллективного действия. — Москва, 1995.

² Майнц Р. Переломы в развитии обществ: возможности проверки социологической теории // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. Т. 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. — С.-Петербург, 2003. С. 41.

³ См., например: Штыков П. Деконструкция революции // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. В 2 т. Т. 2. Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. — С. 264—299.

мической системы общества. Однако всеобщее стремление к свержению старого режима отнюдь не означает, что существуют такие же общие для всех представления о будущем политическом и социально-экономическом порядке. Тот или иной конкретный общественный порядок возникает как почти полностью непреднамеренное следствие намеренных действий очень многих индивидов, стремящихся к достижению других целей в публичном пространстве¹.

Момент возникновения революций, их ход и результаты почти никогда не удается предсказать. Во-первых, не поддаются прогнозу возможные «эффекты Курно», т. е. чреватые тяжелыми последствиями случайные совпадения общественных процессов². «Эффект Курно» возникает тем скорее, чем более дифференцированной является общественная система и чем теснее переплетены ее элементы посредством причинно-следственной зависимости. С точки зрения процедурного подхода это является не чем иным как проблемой непредсказуемости возникновения коллективного действия. Во-вторых, действия акторов в столь переломный и нестабильный период, каким является революция, не определяются формальными институциональными рамками. Действия отдельного человека или небольших групп могут оказать такое влияние, которое было бы невозможным в условиях стабильности. Это означает, что в революционный период велика, как никогда, совокупность возможных векторов развития исторического процесса и альтернативных путей взаимодействия конфликтующих политических субъектов. Поэтому объяснительная сила структуралистской и процедурной моделей революции зачастую намного выше их способности к прогнозам.

V. От революции к порядку

По-видимому, структурные модели полезны для политического анализа и идентификации революций в обществах, находящихся в крайне нестабильном, преторианском состоянии, тогда как процедурные модели более пригодны для объяснения причин революционного взрыва и его результатов в относительно стабильных автократиях гражданского типа. В наиболее жестких из них, как, например, в ГДР, Чехословакии и Румынии при коммунистическом правлении или в сегодняшней Саудовской Аравии, существует система хорошо отлаженного тотального политического контроля сверху вниз, и поэтому любая нестабильность может проявиться только внезапно и носить взрывной характер. Ситуацию здесь можно сравнить с котлом с глухо задренной крышкой, внутри которого растет давление. Наблюдатель не увидит выходящего пара — а вот взрыв он понаблюдать сможет.

В подобных системах любая, даже действительно демократическая революция оказывается источником преторианства в широком смысле этого термина. Она упраздняет действовавшие до сих пор правила принятия политических решений, например диктаторское навязывание общественного блага, определяемого правящей элитой, и ввергает общество в переходное состояние почти без правил. Выбор альтернатив общественного развития осуществляется буквально на улице и посредством улицы, где балом правят массы, и право на участие в этом выборе нужно еще завоевывать. Неуправляемость массовых протестов значительно затрудняет стабилизацию и демократизацию политической системы революционными элитами. Самый сильный из акторов, следуя диктаторской традиции принятия решений, обычно стремится присвоить все

¹ См. подробнее: там же. С. 270—283; Goldstone J. Is Revolution Individually Rational? Groups and Individuals in Revolutionary Collective Action // *Rationality and Society*. 1994. Vol. 6. № 1. P. 139—166; Tullock G. *The Social Dilemma. The Economics of War and Revolution*. — Blacksburg, 1974.

² В известной поговорке о человеке, которому на голову упал кирпич, содержатся понятные причины как того, почему кирпич в определенное время упал с крыши, так и того, почему человек в это время проходил по улице. Но пересечение обоих видов причин — чисто случайное взаимодействие (за исключением всезнающего наблюдателя, который видел одновременно оба процесса), для которого французский социолог Реймон Будон ввел обозначение «эффект Курно». Такое пересечение является непредсказуемым. Хорошими иллюстрациями сказанному служат катастрофы в высокотехнологических системах. К числу типичных для комбинаций причин относятся непредугадываемые совпадения различных внешних событий, технических и человеческих ошибок — события, которые обязаны своим появлением протекающим отдельно друг от друга каузальным цепочкам, лишь случайно встречающимся в таком сочетании, при котором они начинают взаимодействовать друг с другом. (См. подробнее: Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социальных изменений. Москва, 1998. С. 183; Майнц Р. Переломы в развитии обществ: возможности проверки социологической теории. С. 41—48.)

полномочия и навязать остальным свой вариант политического курса как «единственно верный», что оборачивается острой, возможно кровавой, борьбой внутри революционной коалиции и установлением новой формы автократии. Это типичный исход «классических» революций, хотя все они осуществлялись под лозунгами свободы и демократии.

Успешная демократическая революция, наоборот, кладет конец и преторианству, и диктатуре. Революционное преторианство само себя ослабляет и снимает. Всем общественным силам, претендующим на право политического участия, приходится вступать в переговоры друг с другом, на которых они обсуждают альтернативные проекты преобразования политической и экономической систем, ведут поиск компромиссов и заключают соглашения. Поэтому набор акторов сокращается до конкурирующих элитных групп, представляющих на переговорах те или иные общественные силы (например, круглые столы в ГДР). Причем ключевые акторы не обязательно должны с самого начала придерживаться демократических требований и правил игры, когда они вступают в переговоры об институциональном устройстве новой политической системы. При определенных условиях минимальная (электоральная) демократия может возникнуть как непреднамеренный результат компромисса элит, когда они соглашаются на демократические правила принятия решений и преодоления конфликтов, поскольку только демократический порядок может гарантировать соблюдение их интересов.

Достижение нормативного, или процедурного, консенсуса элит приводит к учреждению новой системы единых правил, например процедуры формирования исполнительной власти на основе конкурентных многопартийных выборов. Гегемония уличных масс сменяется гегемонией

политических партий, посредством которых выкристаллизовываются альтернативные политические курсы и организуются первые демократические выборы в органы центральной и местной власти. С установлением основ нового гражданского порядка — конституционно-правового демократического режима — наступает завершение революции. Происходит возвращение к «нормальной» политике и эволюционному развитию общества. Начинается более или менее длительный процесс демократической консолидации, укрепления государственных институтов, институционализации политических партий и групп интересов, ресоциализации общества.

Ненасильственные революции в ГДР и Чехословакии, как и румынская драма, развивались примерно по такому сценарию, в результате чего были созданы формальные демократические институты, отразившие фундаментальные изменения в объеме и распределении власти в политических системах этих обществ.

Следует, однако, учитывать, что в транзитологии доминирует традиционное представление о том, что любая революция, по определению, носит насильственный характер. Такие революции, по мнению Т. Л. Карла и Ф. Шмиттера, за последнее время произошли только в двух странах — Никарагуа и Румынии. Что же касается ГДР и Чехословакии, то при определении их форм перехода к демократии обычно используется не понятие революции, а другие категории, например «реформа». Под ней в данном случае понимается активная мобилизация масс снизу и их мирное давление на власть, что приводит к принятию компромиссных решений, ведущих к демократизации¹. По сравнению с «реформой» и другими формами демократического транзита революционная (т. е. насильственная) смена автократического режима рассматривается как наиболее неблагоприятная

¹ Поэтому в рамках классификации форм демократического транзита по Т. Л. Карлу и Ф. Шмиттеру («пакт», «навязывание», «реформа», «революция») Украина может сегодня рассматриваться как классический пример «реформы», хотя и с не очень ясными перспективами ее завершения. В свою очередь, форма перехода к демократии в Чехословакии больше подпадает не под «реформу», а под «(ненасильственную) революцию», поскольку оппозиция, опираясь на мобилизованные снизу массы, провела переговоры с руководством коммунистического режима лишь об условиях сдачи власти. Если воспользоваться классификацией С. Хантингтона, то ненасильственную демократическую революцию можно представить как одну из форм «замещения» (Replacement). Более сложным для классификации случаем является ГДР, что следовало бы причислить к классическим примерам «реформы», если бы не одно кардинальное обстоятельство. В промежуток между осенью 1989 и весной 1990 года власть формально еще оставалась в руках СЕПГ, находившейся под мирным давлением мобилизованных снизу масс, требовавших ее ухода. Однако при этом властные отношения уже фактически перевернулись: основные политические решения все больше принимались не партийным государством, которое стремительно сдавало свои позиции, и не столько на основе компромисса старых и новых элит, сколько диктовались восставшим гражданским обществом. И это, по-видимому, можно считать специфической особенностью мирной демократической революции в ГДР, которую сами немцы назвали «поворотом» (Wende).

исходная точка для учреждения демократии¹. Основной причиной этого считается именно насильственный, а иногда и кровавый характер перехода, осложняющий достижение постреволюционного нормативного консенсуса. Революция сопровождается очень сильным расколом элит. Условием стабильности политических режимов, наоборот, является достижение и укрепление консенсусного единства, охватывающего все группы национальной элиты². Если политические элиты не могут достичь согласия об институциональном дизайне нового политического порядка вследствие сильного расхождения их политических курсов, то «общественное благо», т. е. конституционно-правовая демократическая система, не производится и страна еще больше погружается в трясину преторианства либо переходит к режиму гражданской автократии. Об этом до последнего времени свидетельствовал опыт практически всех насильственных революций³. Казалось бы, пример революции в Румынии стал исключением из данного правила, но и он показывает, насколько трудным и болезненным оказался процесс демократизации после насильственного смещения персоналистского режима Николае Чаушеску.

VI. Выводы

Подведем теперь некоторые итоги. Революции возможны лишь в немногих переходных обществах. Революции как тип коллективных действий и общественных изменений являются спонтанным результатом весьма редкого стечения множества объективных и субъективных обстоятельств на макро-, мезо- и микроуровнях общественной системы. Поэтому в отличие от переворотов и восстаний их почти невозможно предугадать и совсем невозможно заранее подготовить. Все подлинные социальные революции либо разрушают основы существовавшего до них политического и социально-экономического по-

рядка, либо становятся логическим завершением предыдущих процессов нарастания нестабильности, последней фазой в переходе массового преторианского общества к состоянию абсолютного упадка и хаоса. Альтернативой разрушению национального сообщества и гражданской войне может быть либо реставрация в том или ином виде старого гражданского порядка, либо возведение нового порядка. Утверждение нового легитимного и эффективного гражданского порядка является основным критерием успешной (завершенной) социальной революции. Стабильность демократии и перспективы ее консолидации прямо зависят от минимальности насилия, использованного в пункте перехода от автократии к демократии. Однако в прошлом ни одна насильственная революция не рождала стабильного демократического порядка. Современные демократические революции совершаются по преимуществу целерациональными акторами, поэтому они не обязательно должны быть связаны с массовыми насильственными действиями. Степень применения насилия при революционной смене власти и проведении последующих преобразований обратно пропорциональна уровню институционализации гражданского и политического обществ, степени готовности всех общественных сил к использованию цивилизованных способов разрешения политического кризиса. В случае революционного развития событий в относительно стабильном до этого государстве избежать нарастания хаоса и вспышек массового насилия возможно лишь при условии формальной (или хотя бы неформальной) институционализации спонтанной политической активности масс и перехода на их сторону (или хотя бы нейтрализации) силовых структур старого режима. В постреволюционный период наиболее благоприятные возможности для минимизации насилия и укрепления демократических институтов предоставляет нормативный консенсус элит.

¹ См.: Karl T. L., Schmitter Ph. Modes of transition in Latin America, Southern and Eastern Europe // International Social Science Journal. 1991. Vol. 43. № 128. P. 280.

² См.: Higley J., Burton M. The Elite Variable in Democratic Transitions and Breakdowns // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. № 1. P. 17—32.

³ Наиболее яркими историческими иллюстрациями, подтверждающими эту закономерность, являются последствия революций во Франции (1789), Мексике (1910), России (1917), Боливии (1952), Кубе (1959), Никарагуа (1979).

Литература

1. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социальных изменений. — Москва, 1998.
2. Майнц Р. Переломы в развитии обществ: возможности проверки социологической теории // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. Т. 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. — С.-Петербург, 2003.
3. Олсон М. Логика коллективного действия. — Москва, 1995.
4. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — Москва, 2004.
5. Штыков П. Деконструкция революции // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. Т. 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы. — С.-Петербург, 2003.
6. Demandt A. Zur Trichterstruktur historischer Prozess // Kausalität und Zurechnung / Luebbe W. (Hrsg.). — Berlin, 1994.
7. Higley J., Burton M. The Elite Variable in Democratic Transitions and Breakdowns // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. № 1.
8. Goldstone J. Is Revolution Individually Rational? Groups and Individuals in Revolutionary Collective Action // Rationality and Society. 1994. Vol. 6. № 1.
9. Karl T. L., Schmitter Ph. Modes of transition in Latin America, Southern and Eastern Europe // International Social Science Journal. 1991. Vol. 43. № 128.
10. McFaul M. Revolutionary Transformations in Comparative Perspective: Defining a Post-Communist Research Agenda // Re-examining the Soviet Experience / Essays in Honor of Alexander Dallin / Holloway D, Naimark N. (Eds.). — Boulder, 1996.
11. Skocpol Th. France, Russia, China: A Structural Analysis of Social Revolutions // Revolutions: Theoretical, Comparative and Historical Studies / Goldstone J. (Eds.). — San Diego, 1986.
12. Skocpol Th. States and Social Revolution. A Comparative Analysis of France, Russia and China. — Cambridge, 1979.
13. Tullock G. The Social Dilemma. The Economics of War and Revolution. — Blacksburg, 1974.